

В. А. Земляничин, Д. К. Бояринцев

Протонационализм и Альбигойский Крестовый поход

УДК 94(44)"12":323.1(091)
DOI 10.47132/2541-9587_2024_1_161
EDN OCMDOF

Аннотация: Внутривосточный Крестовый поход XIII в. на юг Франции сопровождался рядом культурных, социальных и политических явлений, которые в историографии традиционно принято считать проявлением протонационального самосознания. Вообще, подъем национальных и протонациональных движений можно назвать характерным явлением большинства социально-политических конфликтов. На основе конструктивистского подхода к вопросу о происхождении нации и национализма в данной статье проанализирован вопрос корреляции между степенью оказываемого на окситанские социально-политические институты насилия со стороны крестоносцев и формированием протонационального чувства среди местного населения. Обостренный Крестовым походом конфликт религиозной и социально-политической (в том числе городской) идентичностей внутри окситанского общества зачастую оканчивался превалированием последней. Сильные городские традиции, родственные связи между местными католиками и еретиками предопределили характер эволюции конфликта от формально-религиозного к светско-политическому и социальному, так как крестоносное войско для достижения своих целей неизбежно оказывало давление на традиционные институты Лангедока. Более того, выявлен и обратный процесс — крестоносцы расширяют своё представление о потенциальном противнике за пределы категории «еретики», используя в том числе национальные маркеры, такие как язык и происхождение, и более специфические социально-антагонистические, такие как традиционный для южан антиклерикализм. В статье целенаправленно рассматриваются вопросы протонационального движения как самостоятельного процесса, не связанного напрямую с формируемым Тулузским двором образом и статусом графа Раймонда VII.

Ключевые слова: национализм, протонационализм, альбигойцы, катары, Альбигойский Крестовый поход, Альбигойские войны, Окситания, средневековый город, средневековые социальные институты.

Об авторах: Владимир Александрович Земляничин

Кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебной работе, кафедра всеобщей истории РГПУ им. А. И. Герцена.

E-mail: zemlyanitsin79@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1267-1279>

Дмитрий Константинович Бояринцев

Магистрант 2 курса, кафедра всеобщей истории, РГПУ им. А. И. Герцена.

E-mail: anarhistoman@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8884-675X>

Для цитирования: Земляничин В. А., Бояринцев Д. К. Протонационализм и Альбигойский Крестовый поход // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 1 (21). С. 161–172.

Статья поступила в редакцию 20.12.2023; одобрена после рецензирования 27.12.2023; принята к публикации 09.01.2024.

Vladimir A. Zemlyanitsin, Dmitry K. Boyarintsev

Protonationalism and the Albigensian crusade

UDC 94(44)"12":323.1(091)

DOI 10.47132/2541-9587_2024_1_161

EDN OCMDOF

Abstract: The European crusade in the XIII century to the south of France was accompanied by a number of cultural, social and political phenomena, which in the works of historians are traditionally considered to be a manifestation of proto-national identity. In general, the rise of national and proto-national movements can be called a characteristic phenomenon of most socio-political conflicts. Based on the constructivist approach to the question of the origin of the nation and nationalism, this article analyzes the correlation between the degree of violence exerted on Occitan socio-political institutions by the crusaders and the formation of proto-national feeling among the local population. The conflict between religious and socio-political (including urban) identities, exacerbated by the crusade, within Occitan society often ended with the prevalence of the latter. Strong urban traditions, kinship ties between local Catholics and heretics predetermined the nature of the evolution of the conflict from a formally religious to a secular-political and social one, since the crusading army inevitably exerted pressure on the traditional institutions of Languedoc to achieve its goals. Moreover, the reverse process has also been revealed – the crusaders expand their idea of a potential opponent beyond the category of «heretics», using, among other things, national markers, such as language and origin, and more specific socio-antagonistic ones, such as anticlericalism, traditional for southerners. The article examines the issues of the proto-national movement as an independent process, not directly related to the image and status of count Raymond VII formed by the Toulouse court.

Keywords: nationalism, protonationalism, Albigenses, Cathars, Albigensian crusade, Albigensian wars, Occitania, medieval city, medieval social institutions.

About the authors: **Vladimir Alexandrovich Zemlyanitsin**

Cand. Sc. in History, Associate Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Department of General History, Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: zemlyanitsin79@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1267-1279>

Dmitry Konstantinovich Boyarintsev

Master's Student, Department of General History, Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: anarhistoman@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8884-675X>

For citation: Zemlyanitsin V. A., Boyarintsev D. K. Protonationalism and the Albigensian crusade. *Proceedings of the Department of Theology of the Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 1 (21), pp. 161–172.

The article was submitted 20.12.2023; approved after reviewing 27.12.2023; accepted for publication 09.01.2024.

В истории человечества большинство внутренних и внешних конфликтов базировалось, в плане ментальных установок, на дихотомии «своих» и «чужих», и даже не столь важно, что подчеркивание разницы и «чуждости» зачастую было лишь риторико-политическим приёмом, а цели элит могли быть совсем другими. Апелляция к чуждости почти всегда находила ответ в массах, если не была совсем оторвана от реальности, особенно когда сама реальность становилась конфликтной и враждебной. Что было сначала — конфликт или самоидентификация, вопрос комплексный. От века к веку мы можем наблюдать как столкновения между социальными, религиозными и политическими группами из-за ощущения вторжения «чуждого» в привычное пространство самоидентификации, так и обострение ощущения «самости» и «чуждости» из-за конфликта уже начавшегося. Во множестве случаев оба этих процесса продолжают друг друга, и потому мы приходим к проблеме самих основ отождествления себя с социальной, политической или культурной группой, которые наиболее четко вырисовываются или выражаются в процессе столкновения, конфронтации, войны внутренней и внешней. Несмотря на то, что понятие «нации» в современном значении появляется очень поздно — не говоря уже о национализме с апелляцией к расовому происхождению, а не к государственности и гражданственности, — такие политико-социальные институты как язык, его наречия, местные традиции, символы для человека средневекового значили очень много, являлись локальным объединяющим фактором. Потому те, кого мы условно называем «французами XIII века», имея в виду пространства от Ла-Манша до Средиземного моря, редко расширяли свою идентичность дальше границ отдельных областей. Б. Андерсон на этот счет замечал, с долей иронии отсылаясь на некоторые тезисы Э. Ренана: «Аналогичным образом выражение “массовые убийства на Юге в XIII столетии” оставляет жертв и убийц не названными, пряча их за чистой французскостью “Юга”. Читателям Ренана не нужно напоминать, что большинство альбигойцев, погибших в этих расправах, говорили на провансальском и каталанском языках, а их убийцы были родом из самых разных уголков Западной Европы. Следствием этих образных оборотов речи становится изображение отдельных эпизодов масштабных религиозных конфликтов средневековой и раннесовременной Европы как удостоверяюще-братоубийственных войн между — кем же еще? — конечно, братьями-французами»¹. Тому, насколько отличался от Парижа Лангедок в социокультурном и политическом плане, Ж. Дюби посвятил одну из глав своей «Истории Франции»: «А внутри этой границы, которую никто не собирался куда-либо передвигать, южнофранцузская территория состояла из множества отдельных земель; каждая из них была проникнута сознанием своей обособленности. Всю эту территорию заселяли народы, говорившие каждый на своем диалекте»². Даже если мы представим, что позиции исследователей, подходящих к пониманию нации с примордиалистских позиций, ещё не окончательно раскритикованы, подавляющее большинство исследований, касающихся средневековой Франции и Средневековья вообще,

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2016. С. 320.

² Дюби Ж. Средние века. М., 2001. С. 294.

как мы видим, имеют в виду нацию как социокультурный конструкт. Более того, конструкт, крайне тесно связанный с государственностью. И Ж. ле Гофф³, и Ж. Дюби⁴ отмечали процессы начала консолидации государств и становления централизованных монархий в XII–XIII вв., и, разумеется, этот процесс затронул не только северную Францию, Англию и другие в итоге «состоявшиеся монархии». Ф. Бродель, в частности, высказывал следующее предположение: «...благодаря соглашению между Тулузой, Сарагосой и Барселоной зародилась, по крайней мере в потенции, Окситанская империя, питавшая честолюбивый замысел завладеть также и Провансом, уже по ту сторону Роны. Однако все эти сверхгосударства одно за другим потерпели неудачу в своих стремлениях; как бегун спотыкается о протянутые на его пути веревки, так и они запутались в переплетениях старинных границ. Крушение их было стремительным»⁵. Если же говорить о данных процессах применительно к рассматриваемому нами вопросу, то Н. Ю. Стародубцева замечательно продемонстрировала, как протонациональные настроения складывались вокруг и при активнейшем участии Раймонда VII – в титулатуре, символах, преемственности власти и её законности нельзя не разглядеть претензию Раймондинов на ключевую роль в регионе⁶. Но если Н. Ю. Стародубцева обратила своё внимание, главным образом, на целенаправленную политику графа, на ту самую «нарочитость» в формировании национальных чувств, то мы попробуем сфокусироваться на ином аспекте этого явления – протонационализме как самородном идейном пространстве, самостоятельно формирующемся на основе естественных исторических процессов рассматриваемого нами региона. На том, какие конфликтные ситуации формировали протонациональное чувство жителей Окситании XIII века.

Так как мы подходим к изучению протонационализма с конструктивистской точки зрения, вопрос осознания жителями Окситании своей идентичности и, в том числе, признания этой идентичности их противниками для нас принципиально важен. Специфика источников не только даёт возможность учесть некоторые дошедшие до нас свидетельства людей Юга, но и пойти от обратного – показать, как эту общность видели крестоносцы и существовала ли для них вообще эта масса людей как нечто обладающее своими специфическими (а не общезападными, как писал Ренан) чертами и традициями.

Если мы исходим из определения Б. Андерсона, нация – это в том числе осознание массой людей, незнакомых друг с другом лично, существования крепких горизонтальных связей вне зависимости от социально-экономического неравенства⁷. Разумеется, настолько широкие горизонтальные категории, не связанные с религией, для человека средневекового вряд ли актуальны

³ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр., под общ. ред. В. А. Бабинцева. Екатеринбург, 2005. С. 120–121.

⁴ *Дюби Ж.* Средние века. С. 316.

⁵ *Бродель Ф.* Что такое Франция? Пространство и история. М., 1994. С. 277.

⁶ *Стародубцева Н. Ю.* Роль Раймонда VI и Раймонда VII в формировании протонационального чувства в Лангедоке // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2014. № 4 (31). С. 125–126.

⁷ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. С. 47–49.

(и само появление национализма Б. Андерсон относит к временам гораздо более поздним), однако на уровне локальном эти связи вполне можно проследить. Наиболее подходящее социальное пространство для выявления локальных горизонтальных связей в Лангедоке, которые можно было бы назвать протонациональными, это, конечно же, город. Город — это особое протонациональное пространство для Юга, главным образом благодаря местным обычаям и традициям, которые сильно отличались от северофранцузских. С. М. Стам, один из основателей «саратовской школы» изучения городов средневековой Европы, выдвинул несколько принципиально важных для понимания своеобразия городов Юга тезисов: во-первых, горожане Окситании наряду с аристократией считались «благородными» и действительно занимали высокое социальное положение; во-вторых, городская элита состояла не из феодалов, а из людей, задействованных в торговле, банковском деле, ремесленничестве⁸; в-третьих, первые два положения обусловили несколько запоздалое и незавершенное формирование цеховой системы, но при этом «свободный труд» оказывался весьма распространенным⁹.

Н. Ю. Стародубцева, в свою очередь, отмечала, что на идейном уровне большое влияние на сеньоров и общество Окситании оказывали трубадуры: «Значимость творчества трубадуров для лангедокского общества определяется следующим: в числе трубадуров были люди, наиболее активные в общественной и политической жизни, при этом жонглеры распространяли их сочинения среди широких слоев населения, способствуя формированию общественного мнения. В отличие от катаризма, представления трубадуров о внутриобщественных связях носили элитарный характер. Для них был лишь один привилегированный слой — куртуазная знать. Все остальные должны подчиняться их воле. Сюзерен мог проявлять власть лишь в мягких формах, опираясь только на свой авторитет. Если он не соответствовал куртуазному идеалу, то был не вправе рассчитывать на помощь и поддержку своих вассалов. То есть вместо феодального права, гарантировавшего прочность вассально-сеньориальных связей, трубадуры поставили во главу угла личность сеньора, предоставив вассалам самим решать, достоин ли он верности. Таким образом куртуазия поощряла феодальные распри, чем противоречила тенденции к централизации и усилению власти Раймондинов»¹⁰. Все эти обстоятельства являлись одновременно причиной и следствием постоянных столкновений между сеньорами и городами. Примечательно, что даже хронисты Альбигойского Крестового похода, не являющиеся уроженцами Окситании, активно использовали известные им антисеньориальные выступления горожан в качестве оправдания действий крестоносцев. Например, Пьер Воде-Серне — монах-цистерцианец и спутник крестоносцев, описывая современные ему события осады Безье, вспомнил о случае, произошедшем более

⁸ Стам С. М. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI–XIII веков). Саратов, 1969. С. 298.

⁹ Там же. С. 308.

¹⁰ Стародубцева Н. Ю. Социально-политическая трансформация в Тулузском графстве и зависимых территориях (1189–1271): автореф. дис. ... канд. ист. наук / ВГУ. Волгоград, 2013. С. 18.

сорока лет назад: «И был упомянутый город взят в день праздника Святой Марии Магдалины <...>, которую, как мы сказали в начале, еретики считали наложницей Христа; кроме того, в Его же церкви, расположенной на территории их города, жители Безье убили своего господина и выбили зубы своему епископу. Поэтому было бы справедливо, если бы они были схвачены и истреблены в день праздника той, о которой они так оскорбительно отзывались, и в том же храме, который эти собаки осквернили кровью их лорда-виконта и их епископа»¹¹. Этот эпизод подтверждает уроженец Тулузы Гильем Пюилоранский: «В то время широко распространено было мнение, что Господь отомстил им за то, что они вероломно убили своего господина Транкавеля в день праздника, хотя им также были предъявлены обвинения в невыразимых преступлениях в виде еретических верований и богохульств»¹².

Когда Во-де-Серне использует слово «еретики», зачастую он имеет в виду не только тех людей в городе, которые придерживаются еретических убеждений — он имеет в виду всех горожан. Или же, как в первом приведенном отрывке, еретики есть просто социальная группа внутри более крупной — «жителей Безье», но качества первых неизбежно экстраполируется на вторых, пускай эта логическая операция и объясняется отдельно. Похожее обобщение, в более мягкой форме, использует Гильем Пюилоранский. Оба автора при этом не раз демонстрируют, что способны разделять южан-еретиков и южан-католиков, более того — выделять среди еретиков «посвященных» и «совершенных». Однако автор-цистерцианец, судя по всему уже имея некоторое предубеждение против всех людей юга, склонен вполне осознанно экстраполировать «испорченность», — только начиная свою хронику, он напишет о Тулузе: «...Эта Тулуза... с момента её первого основания, никогда не была свободна от этой чумы, отвратительной эпидемии еретической развращенности, чей суеверный яд неверности передавался от отцов к детям...» Тулузцы, по словам автора, отрекались от ереси «из страха, а не из благих намерений», «лжесвидетельствовали» и «скрывали еретиков»¹³. Для Во-де-Серне ересь сопутствует «испорченности» горожан, но не является её тождеством, потому как прячут еретиков в том числе и католики. «Городская» идентичность невольно становится в глазах автора фактором несколько более важным, чем даже религия. Интересен и мотив передающейся «от отцов к детям» «неверности». Один из самых массовых источников по социальной истории Лангедока, реестры инквизиции, рисует довольно полную картину того, какое определяющее значение даже для дела борьбы с ересью имели семейные связи, — ересь неизбежно фигурирует в реестрах доминиканцев в контексте семьи: мужа, жены, дочери и сыновья, даже сводные братья являются той социальной стратой, которая становится объектом её воздействия¹⁴. Сам по себе допрос

¹¹ *Pierre des Vaux de Cernay. Histoire de l'hérésie des Albigeois et de la sainte guerre entreprise contre eux* / Ed. F. Guizot. Paris, 1824. P. 51–54.

¹² *William of Puylaurens. The chronicle* / Tr. W. A. Sibly, M. D. Sibly. Woodbridge, 2003. P. 33.

¹³ *Ibid.* P. 3–5.

¹⁴ *Fragment of the Register of Jean de Saint Pierre and Reginald de Chartres* / Tr. J. Duvernoy. [Electronic resource] // Jean Duvernoy. URL: <http://jean.duvernoy.free.fr/text/pdf/bonnet.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).

с необходимостью свидетельствовать против собственных родственников становится частью насильственного воздействия, которое в итоге затрагивает даже такие малые социальные институты как семья. Этот сюжет мы находим и у Гильема Пюилоранского: «Понс Адемар из Рудейля, рыцарь и пронизательный человек, сказал епископу: “Мы не верили, что у Рима было так много веских аргументов, которые можно было бы использовать против этих людей!” “Итак, — спросил епископ, — неужели вы не понимаете, что они бессильны перед лицом наших возражений?” Понс ответил: “Мы действительно признаем это”. Епископ сказал: “Так почему же вы не изгоняете их со своей территории и не обращаете в бегство?” Он ответил: “Мы не можем; мы воспитывались вместе с ними, среди них много наших родственников, и мы видим, что их образ жизни добродетелен”. Таким образом, заблуждение смогло увести неосторожных от истины просто потому, что еретики, казалось, вели безупречное существование»¹⁵.

Описывая осаду Лавора, принадлежащего даме Жиро, хронист отметит, что защиту замка взял на себя её брат — лорд Аймерик, и сделал он это из «любезности» к своей сестре¹⁶. Тон этих отрывков и их логика выглядят гораздо мягче, чем пассажи Во-де-Серне, и не просто так, — автор приведенных выше строк уроженец Тулузы и, согласно разным версиям, каноник Раймонда VII или церковный нотариус города. Более того, — один из ближайших сподвижников епископа Тулузы Фулька¹⁷, известного гонителя еретиков и сторонника миссии Доминика де Гусмана (будущего св. Доминика)¹⁸. У человека, который был частью такого сообщества, мы находим удивительно участливые по отношению к южанам пассажи, касающиеся их прав и свобод, о которых Во-де-Серне даже не упоминает. Об одной из зимних кампаний крестоносцев он напишет: «...Симон снял осаду города. Из-за этого многие из тех, кто скрывал своё недовольство им, подняли свои рога, и многочисленные крепости тотчас же присоединились к его врагам»; «...они с трудом переносили ярмо, подрывающее свободы, к которым они привыкли»¹⁹. Об изъятии тулузской казны крестоносцами Симона де Монфора несколько позже хронист напишет: «Они хорошо знали, что взимание этой суммы причинит большой вред тулузцам»; «Это побудило бы тулузцев стремиться к своим прежним свободам и вернуть своего бывшего сюзерена»²⁰. И здесь мы обнаруживаем другой мотив — мотив нарушенных местных традиций, и транслирует его человек, с одной стороны, поддерживающий крестоносцев, а с другой — являющийся уроженцем этих земель. Гильем Пюилоранский не раз невольно демонстрирует конфликт этих внутренних идентичностей, и одно из наиболее ярких проявлений этого — внимание к фигуре графа Тулузы, Раймонда, основного

¹⁵ *William of Puylaurens. The chronicle.* P. 25.

¹⁶ *Ibid.* P. 38.

¹⁷ *Dossat Y. Le chroniqueur Guillaume de Puylaurens était-il chapelain de Raymond VII ou notaire de l'inquisition toulousaine? // Annales du Midi.* 1953. Vol. 65–23. P. 348–349.

¹⁸ *Ольденбург З. Костер Монсеюра. История альбигойских крестовых походов / Пер. с фр. О. И. Егоровой.* СПб., 2001. С. 39.

¹⁹ *William of Puylaurens. The chronicle.* P. 42.

²⁰ *Ibid.* P. 58–59.

противника северофранцузского войска. Он посвящает отдельную главу его генеалогии, не обвиняет графа прямо в убийстве папского легата²¹, не приводит о нём различного рода негативных свидетельств и слухов, как это делает Во-де-Серне. Конечно же, автор осуждает Раймонда VI, но делает это в весьма учтливой форме. Так, например, он напишет о казни брата графа — Бодуена: «...а затем, следуя пагубному совету Роже-Бернара <...> и некоторых других лиц, он приговорил его к смертной казни через повешение, чтобы отомстить за короля Арагона и за то, что он выступил на другой стороне при Мюре...»; «Этим братоубийством граф сильно повредил своей репутации. Он бы мог, по крайней мере, спасти своего брата от смерти через повешение: были и другие, менее позорные способы его казни...»²²

В хронике этого автора можно найти и такой интересный взгляд на конфликтную ситуацию между Раймондом VI и крестоносцами: «Граф больше не сопровождал крестоносцев, как он это делал в начале. Теперь, когда они готовились к вторжению в его земли, он сам готовился противостоять им, разместив гарнизон и укрепив свой замок»²³. Примечательно, что автор даёт такую ретроспективу конфликта, считая нужным объяснить как мотивацию графа, так и мотивацию других участников событий со стороны антикрестоносного лагеря. Защита собственных земель, родственные связи — всё это в конечном счёте можно трактовать и как попытку объяснить предосудительное, формально антицерковное выступление. Хронист использует слова с весьма положительной коннотацией для описания сопротивления крестоносцам: «защита своих территорий» от «вторжения».

Другой показательный в плане столкновения идентичностей эпизод — это столкновения политических группировок тулузских горожан, известное также как противостояние «Чёрного» и «Белого» братств. По мнению Пюилорана, это противоречие сводилось также к конфликту жителей «Сите» и жителей «Бурга», т.е. «города» и «замка». «Белое братство», которое, по словам хрониста, поддерживал весь «город» и большинство населения «замка», возглавил епископ Фульк: «Это он сделал из-за своей большой озабоченности тем, чтобы граждане Тулузы, его паства, не были лишены индульгенций <...> и он надеялся таким образом приблизить их к служению Церкви и использовать их поддержку для изгнания ереси и усмирения пыла ростовщиков. Почти весь город, за исключением небольшого числа отдельных лиц, поддержал Братство, и к ним присоединились несколько человек из Бурга».

Таким образом, социальный конфликт внутри города сводится, казалось бы, к противостоянию между ростовщиками из зажиточного «замка», поддерживающими «Чёрное братство», и «городом», поддержавшим епископа Тулузы и соответственно «Белое братство». Но в этой же главе хроника автор противоречит сам себе, описывая, как «Чёрное братство» смогло собрать достаточно серьёзную силу, чтобы противостоять «Белому», когда последнее начало грабить дома отказавшихся явиться в суд «ростовщиков».

²¹ Ibid. P. 27–28.

²² Ibid. P. 50.

²³ Ibid. P. 38.

Противостояние, по словам хрониста, дошло до столкновений с использованием тяжёлой кавалерии на улицах города²⁴. Сложно представить, что «небольшое число отдельных лиц» из «Бурга» смогло вступить в противостояние с большинством населения города и замка. Автор, вероятно, несколько преувеличивает отсутствие поддержки у противников Фулька в Тулузе. Ещё большую неоднозначность конфликт приобретает в дальнейших описаниях — когда «Белое братство» решило отправиться на помощь крестоносцам, осаждавшим Лавор, «чтобы сдержать свою клятву», граф Раймонд, по словам хрониста, преградил им путь, заявив, что им придётся сломать ему руки, чтобы пройти через ворота, и тогда те нашли обходной путь через мосты, где не было ворот²⁵. Кончается этот процесс социального разлада неожиданно — в XVII главе Пюилоран описывает, как графу спустя некоторое время удалось объединить оба братства для защиты Тулузы от «захватчиков», и все жители Тулузы были отлучены легатом от Церкви²⁶. Таким образом, сам автор неосознанно констатирует, что городская идентичность возобладала над формально-религиозной, крестоносцы в дальнейшем сталкивались исключительно с консолидированным сопротивлением жителей Тулузы.

В то же время преобладание других идентичностей над церковной или «формально-религиозной» неудивительно — антиклерикализм на юге был чрезвычайно распространён и укоренился в Окситанской культуре благодаря бесчисленному множеству сервент трубадуров, критикующих Католическую Церковь или её представителей. Н. Ю. Стародубцева отмечала, что в протоколах инквизиции случаи декламации антицерковных сервент встречаются даже в протоколах Жака Фурнье, т. е. спустя 70 лет после окончания Крестового похода²⁷. Рассмотрим, например, одну из самых известных антицерковных сервент — «Против Рима» Гильема Фигейраса, уроженца Тулузы: «Ты царствуешь на исходе дня, — Рим. Пусть Бог сведет тебя с ума, и он сведет тебя! Ибо вы правите лицемеря, ради денег, — Рим, подлая раса, предаёт свои обязательства»²⁸. Если Фигейрас больше обращался к теме Рима и даже Папы (что было достаточно радикально даже для трубадуров Окситании), то Пейре Карденаль гораздо чаще обращается к проблематике священнослужителей как сословия: «Короли и императоры, герцоги, графы и комтуры, а с ними и рыцари по обычаю правили миром. Сегодня я вижу, что власть в нём находится в руках клириков, со всем их воровством и изменой, с лицемерием, со всем насилием и проповедью, и они не могут перенести того, чтобы им не уступили всё...»²⁹

Приведенные выше антиклерикальные пассажи в большей степени идейно-абстрактные, — Рим желает только власти, которая традиционно удел

²⁴ Ibid. P. 35–37.

²⁵ Ibid. P. 39.

²⁶ Ibid. P. 41.

²⁷ Стародубцева Н. Ю. Роль Раймонда VI и Раймонда VII в формировании протонационального чувства в Лангедоке. С. 126.

²⁸ Levy E. Guilhem Figueira, ein provenzalischer Troubadour. Berlin, 1880. P. 35.

²⁹ Pèire Cardenal // Cardenal.eu URL: <https://www.cardenal.eu/index.htm> (дата обращения: 12.09.2023).

сеньоров, и денег. Возникли же они, в свою очередь, из вполне определенных конфликтных ситуаций, свидетелями которых были вышеперечисленные авторы. Пейре Карденаль посвящает сервенты вполне конкретным священнослужителям, но тема этих произведений всегда одна — предательство. Карденаль редко прямо сообщает, что именно предают эти люди, судя по всему, для него это нечто само собой разумеющееся. Мы можем предположить по ряду признаков, что упоминаемый трубадуром Эстев де Бомон предал свою семью, в то время как каноник Ле Пюи сотрудничал с крестоносцами.

Примечательно, что антиклерикальный мотив часто сочетается с мотивом ненависти к «чужим», т.е. в подавляющем большинстве случаев к жителям севера Франции. При этом взгляды авторов на противостояние с французами несколько отличаются — Фигейрас считает, что они были «обмануты» Римом и потому принимают жестокую смерть вдали от «рая», а Карденаль всё же не отказывает им в самостоятельности действий: «Я считаю их совершенно безумными, этих апулийцев и лангобардов, этих лангобардов и этих немцев, если они хотят, чтобы французы и пикардийцы властвовали здесь...» Карденаль «не одобряет короля, который не уважает закон»³⁰, в то время как Фигейрас жалеет «доброего короля Людовика», которого Рим «заманил далеко от Парижа». То есть как будто бы для трубадура пребывание короля Франции так далеко на юге — это что-то неестественное, его туда можно только «заманить». Но в конце концов неприятие вторжения «чужих» берет верх даже над таким ненавистником Папы, как Фигейрас: «Бог ему в помощь — пусть даст он власть и силу графу, который косит французов и сдирает с них кожу»³¹. Анонимный автор второй части «Песни об Альбигойском крестовом походе» также обращается к мотиву светской власти, связывая его с происхождением Симона де Монфора: «Подумать страшно, что чужак, какой-то там норманн, на край имеет все права, иным правам замен. Терпеть не станет Иисус столь странных перемен»³². В конце концов, даже Гильем Пюилоранский неосознанно вводит в уравнение конфликта новый знаменатель — языковую рознь, рассказывая о взаимоотношениях Симона де Монфора с южнофранцузским рыцарем: «Во время битвы Уильям Кэт, рыцарь из Монреала, к которому граф относился как к близкому другу семьи после того, как избрал его крестным отцом одного из своих детей, бросил его, как Дьявол, перейдя к неприятелю прямо на поле битвы»; «Следствием его дезертирства было то, что с тех пор графа начал избегать общения с рыцарями, говорящими на нашем языке»³³.

Таким образом, мотив этнополитической дифференциации более выражен, что закономерно, теми авторами, на чьих землях происходит конфликт, однако и сами крестоносцы, судя по всему, постепенно осознавали разницу между «своими» и «чужими». В упомянутых ранее случаях — восстания жителей Тулузы или предательства южных сеньоров, которые якобы покорились Симону де Монфору — это осознание явно приходило лишь впоследствии.

³⁰ Ibid.

³¹ Levy E. Guilhem Figueira, ein provenzalischer Troubadour. P. 37–39.

³² Гильём Тудельский. Песнь о крестовом походе против альбигойцев / Пер. с фр., статья, прим. Е. В. Морозова, И. О. Белавин. М., 2011. С. 111.

³³ William of Puylaurens. The chronicle. P. 42.

Поначалу крестоносцы пытались выстраивать взаимоотношения с местными сеньорами так, как это было привычно в остальном западноевропейском мире, несмотря на исключительность самой ситуации — внутриевропейского Крестового похода. Это в дальнейшем привело к ещё большему взаимному ожесточению, социально-политической дезориентации.

Обобщим вышесказанное в нескольких принципиально важных для понимания протонациональных факторов тезисах. Во-первых, Лангедок — это пространство своих собственных традиций, городских, сеньориальных и даже религиозных, потому сам характер войны с претензией на лишение титулов и земель тех, кто, с точки зрения современников Альбигойских войн, законно ими обладал, выглядело не только как насилие буквальное, но и как насилие над законностью, обычаями. Во-вторых, это пространство семейно-родственное. Гильем Пюилоранский весьма точно подчеркнул это, приведя слова Понса Адемара, и, если мы обратимся к реестрам инквизиции, этот тезис находит серьезнейшее подтверждение в собранном инквизицией материале. Противником Церкви в этом регионе неизбежно является вовлекаемая в ересь семья, и это не может не формировать конфликт культурный, традиционный, но уже на более фундаментальном уровне, нежели традиционные права городов и сеньоров. В-третьих, внешний конфликт неизбежно формирует и конфликт внутренний — конфликт идентичностей, результатом которого становится превалирование одной из них, религиозной или социально-городской, в своём развитии неизбежно являющейся частью протонациональной. Однако городскую идентичность также не стоит переоценивать — жители Окситании вполне могли в определенный момент (как тулузское «Белое братство» в 1210–1211 гг.) оказывать помощь крестоносцам против населения соседних городов, и, более того, сталкиваться друг с другом по различным вопросам, пускай эти противоречия и были более ситуативны и непостоянны, нежели сопротивление пришедшим из других земель крестоносцам.

С другой стороны, чертой формирующейся окситанской протонациональной культуры становится антиклерикализм. Причем косвенно мотив ненависти к клиру присутствует как в прокрестоносных источниках, так и в антикрестоносных. Во-де-Серне пишет о жителях Юга как о тех, кто совершает насильственные действия против Церкви и её представителей — от убийства епископов до нападения на паломников. Трубадуры Окситании в это же время всячески критикуют местных священнослужителей, папских легатов и даже Римскую Церковь как организацию в целом. То есть даже если мы имеем в виду, что хронист-цистерцианец чрезмерно ангажировано воспринимает или передаёт слухи и свидетельства, а также собственные впечатления, основа этих сюжетов, т. е. южнофранцузский антиклерикализм, есть вполне реальное и отрефлексированное современниками явление.

Таким образом, все те факторы, которые могли влиять на протонациональное чувство жителей Окситании, неизбежно аккумулировались и актуализировались благодаря возникшим конфликтам на самых разных уровнях. Это особенно ярко проявляется в том, что авторы прокрестоносного толка зачастую определяют жителей Окситании через их же антипатию к различным социальным и политическим *conditiones* — от местного клира

до крестоносцев-французов. В то же время, применяемое к традиционным средневековым формам социального взаимодействия насилие выводило протонациональную проблематику на совершенно другой уровень, заостряло существовавшую разницу между тем, к какому социальному поведению принуждали крестоносцы местное население, и тем, каким его пытались отстоять горожане и сеньоры Лангедока.

Источники и литература

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
2. *Бродель Ф.* Что такое Франция? Пространство и история. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1994. 406 с.
3. *Гильём Тудельский.* Песнь о крестовом походе против альбигойцев / Пер. с фр., статья, прим. Е. В. Морозова, И. О. Белавин. М.: Ладомир, 2011. 440 с.
4. *Дюби Ж.* Средние века. М.: Международные отношения, 2001. 416 с.
5. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр., под общ. ред. В. А. Бабинцева; послесл. А. Я. Гуревича. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.
6. *Ольденбург З.* Костер Монсежюра. История альбигойских крестовых походов / Пер. с фр. О. И. Егоровой. СПб.: Алетейя, 2001. 416 с.
7. *Стам С.М.* Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI–XIII веков). Саратов: Издательство Саратовского университета, 1969. 426 с.
8. *Стародубцева Н. Ю.* Роль Раймонда VI и Раймонда VII в формировании протонационального чувства в Лангедоке // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2014. № 4 (31). С. 123–127.
9. *Стародубцева Н. Ю.* Социально-политическая трансформация в Тулузском графстве и зависимых территориях (1189–1271): автореф. дис. ... канд. ист. наук / ВГУ. Волгоград, 2013. 24 с.
10. *Dossat Y.* Le chroniqueur Guillaume de Puylaurens était-il chapelain de Raymond VII ou notaire de l'inquisition toulousaine? // *Annales du Midi.* 1953. Vol. 65–23. P. 343–353.
11. Fragment of the Register of Jean de Saint Pierre and Reginald de Chartres / Tr. J. Duvernoy. [Electronic resource] // Jean Duvernoy. URL: <http://jean.duvernoy.free.fr/text/pdf/bonnet.pdf> (дата обращения: 15.09.2023).
12. *Levy E.* Guilhem Figueira, ein provenzalischer Troubadour. Berlin: Liebreht, 1880. 108 p.
13. *Pèire Cardenal* // *Cardenal.eu.* URL: <https://www.cardenal.eu/index.htm> (дата обращения: 12.07.2023).
14. *Pierre des Vaux de Cernay.* Histoire de l'hérésie des Albigeois et de la sainte guerre entreprise contre eux / Ed. F. Guizot. Paris: J. Brière, 1824. 409 p.
15. *William of Puylaurens.* The chronicle / Tr. W. A. Sibly, M. D. Sibly. Woodbridge: Boydell press, 2003. 162 p.